

УДК 81'37+821.161.1+811.161.1+9291Пушкин+9291Тютчев+9291Цветаева

**МЕЖДУ ХАОСОМ И КОСМОСОМ
(СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТВОРЧЕСТВЕ
А. С. ПУШКИНА, Ф. И. ТЮТЧЕВА, М. И. ЦВЕТАЕВОЙ)**

А. А. Дударева

Тверской государственный университет
кафедра русского языка

В статье описываются семантические и образные параллели, связанные с воплощением идей хаоса и космоса в русской поэзии. Материалом для анализа послужили художественные тексты Пушкина, Тютчева и Цветаевой.

Ключевые слова: русский язык, русская литература, лексика, семантика, поэтика

Базой развития идей хаоса и космоса в русской литературе служит философская лирика XIX в. – стихотворения Ф. И. Тютчева и А. С. Пушкина. Тютчевские тексты: «Как океан объемлет шар земной...» и «Тени сизые смешались...» – задают особую модель пространственно-временных отношений. *Бездна* Тютчева – это первозданный *хаос*. Все её определения и характеристики соотносимы с мифологическими представлениями о хаосе. *Бездна*, прежде всего, связана с мотивом *ночи*:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьёт о берег свой... [7]

Ещё более прямо *бездна* и *ночь* соотношены в стихотворении «День и ночь»:

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла – и с мира рокового
Ткань благодатную покрова,
Сорвав, отбрасывает прочь...
И *бездна* нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ней и нами –
Вот отчего нам *ночь* страшна! [7]

В тексте стихотворения «О чём ты воешь, ветр ночной...» *хаос* называется прямо, на лексическом уровне:

О, страшных песен сих не пой
Про древний *хаос*, про родимый!
<...>
О, бурь заснувших не буди –
Под ними *хаос* шевелится!.. [7]

Наконец, в стихотворении «Как дремлет сад темно-зелёный...» хаосу дан эпитет *ночной*: «Теперь роится в хаосе ночном?..» [7]. Таким образом, в поэзии Тютчева связывается *хаос* и *бездна* с эпитетами *ночной* и *страшный*, что соответствует пониманию хаоса у орфиков как «страшной бездны» (*chasma pelorion*). «Отсюда уже очень близко до того нового значения слова “хаос”, которое встречается по преимуществу в римской литературе и которое либо очень близко связывает хаос с аидом, либо прямо отождествляет его с ним. Хаос есть та бездна, в которой разрушается всё оформленное и превращается в некоторого рода сплошное и неразличимое становление, в ту “ужасную бездну”, где коренятся только первоначальные истоки жизни, но не сама жизнь» [2, с. 580–581].

Следует отметить в текстах Тютчева и связь *бездны* с водной стихией в стихотворениях «Как океан объемлет шар земной...» и «Смотри, как на речном просторе»:

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывёт.

<...>

Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются в бездне роковой!.. [7]

Также и в мифопоэтических представлениях хаос может связываться с мировым потоком. «С остатками хаоса на земле связан ужас, страх, порождённый тьмой, ночью, бесформенностью, отсутствием надёжных границ между человеком и царством хаоса» [6, с. 582]. Не случайно в этом стихотворении сравнение льдин с человеком.

Тютчевское осмысление *хаоса*, *ада* и *космоса* непрямо, но соотносимо с семантической структурой «Бесов» А. С. Пушкина. Конечно, антибожеский космос «Бесов» настолько радикален, что не может быть повторен или скопирован. Смысл пушкинских текстов почти всегда предельно. Но не учитывать их в русской литературе невозможно. Поразительный пример даёт стихотворение Ф. И. Тютчева «Море и утёс»:

И бунтует, и клокочет,
Хлещет, свищет и ревёт,
И до звёзд допрыгнуть хочет,
До незыблемых высот...
Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила –
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?
Волн неистовым прибоем
Беспрерывно вал морской
С рёвом, свистом, визгом, воем

Бьёт в утёс береговой, –
Но спокойный и надменный,
Дурью волн не обуян,
Неподвижный, неизменный,
Мирозданию современный,
Ты стоишь, наш великан! [7]

Стихотворение, написанное в 1848 г., имеет, конечно, очевидный политический подтекст. Однако его связь с пушкинскими «Бесами» не вызывает сомнений: четырёхстопный хорей, вопросительные конструкции, наконец, прямые лексические совпадения: «С рёвом, свистом, *визгом*, *воем*» [7] – «*Визгом* жалобным и *воем*» [4, т. 3, с. 197]. Следует отметить также, что бездна и хаос, конструируемые в текстах Ф. И. Тютчева, совсем иначе звучат: это нудный голос («То глас её: он нудит нас и просит») или гул («В сумрак зыбкий, в дальний гул»):

Откуда он, сей гул непостижимый?..
Иль смертных дум, освобождённый сном,
Мир бестелесный, слышный, но незримый,
Теперь роится в хаосе ночном?.. [7]

Вой и визг – признаки пушкинского хаоса. Тютчев полемически наделяет ими революционные, разрушительные для монархии силы, открывая тему «Бесов» Ф. М. Достоевского [1]. Впрочем, возможность такого перехода задана в творчестве самого Пушкина, где метель «Бесов» может быть соотнесена с метелью в «Капитанской дочке» как с символом народного бунта, «бессмысленного и беспощадного» [4, т. 6, с. 237]. Отметим и метель в одноимённой повести, переворачивающую жизнь частного человека.

В творчестве М. И. Цветаевой парадоксальным образом смещаются и смешиваются характеристики хаоса и космоса в связи с темой противопоставления мира поэта и мира остальных людей. Мир поэта становится безмерным, что совмещает признаки и *космоса* (безграничность), и *хаоса* (нерасчленённость), а мир непозитический, бытовой, сжимается до ограниченного, но расчленённого, измеренного пространства:

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?! [5]

«К характеристикам хаоса относятся <...> неупорядоченность и, следовательно, максимум энтропических тенденций, т.е. абсолютная изъятость хаоса из сферы предсказуемого (сплошная случайность, исключающая категорию причинности), иначе говоря, предельная удалённость от сферы “культурного”, человеческого, от логоса, разума, слова» [6, с. 581]:

...Ибо путь комет –
Поэтов путь. Развеянные звенья
Причинности – вот связь его! Кверх лбом –
Отчаются! Поэтовы затмения
Не предугаданы календарём [5].

Можно отметить и связь поэтического мира с водной стихией:

Поэты мы – и в рифму с париями,
Но, выступив из берегов,
Мы Бога у богинь оспариваем
И девственницу у богов! [5]

Поэты объединяются в единое целое, стихию, подобную воде, реке, которая способна состязаться с богами, стать вровень с ними. Возникший здесь мотив богоборчества, может быть, наиболее резко в русской поэзии реализуется в стихотворении М. И. Цветаевой «О, слёзы на глазах...» из цикла «Стихи к Чехии», где постулируется единственно возможный выход для поэта в божеском или анти-божеском мире – смерть.

Важно, что этот мир не поэтический, и когда он увеличивается до размеров космоса и наделяется характеристикой ада (*не-видимость* – буквальное значение Аида: Αἴδης < *η-uid-), он отвергается как «безумный»:

О, чёрная гора,
Затмившая – весь свет!
Пора – пора – пора
Творцу вернуть билет.
Отказываюсь – быть.
В Бедламе нелюдей
Отказываюсь – жить.
С волками площадей
Отказываюсь – выть.
С акулами равнин
Отказываюсь плыть –
Вниз – по теченью спин.
Не надо мне ни дыр
Ушных, ни вещей глаз.
На твой безумный мир
Ответ один – отказ [5].

Возможность подобных трансформаций заложена в творчестве А. С. Пушкина. «Пушкинская смысловая парадигма образуется не словами, а образами-моделями, имеющими синкретическое словесно-зрительное бытие, противоречивая природа которого подразумевает возможность не просто разных, а дополнительных (в смысле Н. Бора, т.е. одинаково адекватно интерпретирующих и одновременно взаимоисключающих) прочтений. Причём интерпретация одного из узлов пушкинской структуры автоматически определяла и соответствующую ему конкретизацию всего ряда <...> соотносённость членов парадигмы придавала ей смысловую гибкость, позволяя на разных этапах развития пушкинской мысли актуализировать различные семантические грани. <...> Пушкин изучает возможности, скрытые в трагически противоречивых элементах, составляющих его парадигму истории, а не стремится нам в “образах” истолковать какую-то конечную, им уже постигнутую и без остатка поддающуюся конечной формулировке мысль. <...> Контрастно-динамическая поэтика Пушкина определяла не только жизненность его художественных сознаний, но и глубину его мысли, до сих пор позволяющую ви-

деть в нём не только гениального художника, но и величайшего мыслителя. <...> В реалистическом творчестве Пушкина система символов образует исключительно динамическую, гибкую структуру, порождающую удивительное богатство смыслов и, что особенно важно, их объёмную многоплановость, почти адекватную многоплановости самой жизни» [3, с. 128–131].

Смысловая ёмкость «Бесов» поистине уникальна. Написанное 7 сентября 1830 г. в Болдине, оно включено в самые разнообразные семантические ряды. Описываемая ситуация, неожиданное буйство природной стихии, находит продолжение в «Метели», завершённой 19-20 октября 1830 г., трансформируется в бурю «Капитанской дочке», над замыслом которой А. С. Пушкин работал в 1833 г. параллельно с «Историей Пугачёва» и в которой сюжетный ход с метелью возникает в записках, созданных в Болдине в октябре – ноябре 1833 г. [4, т. 6, с. 781–782]. Здесь же и в это же время Пушкин пишет поэму «Медный всадник» (6–31 октября), где одна из центральных тем – неожиданное буйство природной стихии (наводнение).

Все эти тексты, связанные на поверхностном уровне одним общим мотивом (стихия), и на глубинном оказываются соотносимы, поскольку повествуют о сложных отношениях между жизнью и смертью, космосом и хаосом. «Но возможно ли единение и слияние жизни и смерти? А именно эти силы разыгрывают свои партии в “маленьких трагедиях”. Правда, в таком обобщённом виде эти конфликты видятся при самом глубинном их формулировании. Ближе к сюжетной поверхности они разыгрываются между знакомой нам триадой символов (стихия – закономерность – человек). Наконец, на самой сюжетной поверхности они воплощаются в конкретно-исторические и культурно-эпохальные образы» [3, с. 135]. При этом один полюс неизбежно порождает и трансформируется в другой, но не исчезает совсем, сохраняя свои свойства, поэтому они не антонимичны, а диалектичны. В «Медном всаднике» сотворение города на воде, нового мира (космоса) из хаоса заканчивается эсхатологической катастрофой (наводнением, потопом, смертью), что, однако, не приводит к окончательной гибели всего созданного. Смертельная борьба двух социальных лагерей (дворянского и крестьянского) в «Капитанской дочке», приводящая к краю гибели главных героев (Гринёва и Машу), заканчивается не их смертью, а спасением, милостью. Разрушение возможного семейного мира (дома) Марьи Гавриловны и Владимира в «Метели» в конце концов приводит к созданию нового дома, новой семьи. Наконец, космос «Бесов» превращается в хаос, но не теряет своего божественного атрибута – бесконечности.

Список литературы

1. Достоевский, Ф. М. Бесы [Электронный ресурс] : [Электрон. книга] / Достоевский Ф. М. – Режим доступа: <http://www.lib.ru/классика>. – Дата обращения: 10.02.2012. – Загл. с экрана.
2. Лосев, А. Ф. Хаос [Текст] / А. Ф. Лосев // Мифы народов мира : в 2 т. – М. : Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 580–581.

3. Лотман, Ю. М. Типологическая характеристика реализма позднего Пушкина [Текст] / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – С. 124–157 с.
4. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 10 т. / А. С. Пушкин ; под ред. Б. В. Томашевского. – М. : Издательство АН СССР, 1962–1966. – Т. 3 : Стихотворения. 1827–1836. – 1963. – 558 с. – Т. 6 : Художественная проза. – 1964. – 839 с.
5. Русская поэзия. М. Цветаева. Все стихи [Электронный ресурс] / М. И. Цветаева. – Режим доступа: <http://www.rupoe.ru/cvetaeva/all.aspx>. – Дата обращения: 10.02.2012. – Загл. с экрана.
6. Топоров, В. Н. Хаос [Текст] / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : в 2 т. – М. : Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 581–582.
7. Тютчев, Ф. И. Все стихотворения [Электронный ресурс] / Ф. И. Тютчев. – Режим доступа: <http://www.litera.ru/stixya/authors/tyutchev/all.html>. – Дата обращения: 10.02.2012. – Загл. с экрана.

**BETWEEN CHAOS AND COSMOS (SEMANTIC PARALLELS
IN THE WORKS OF A. S. PUSHKIN, F. I. TYUTCHEV,
M. I. TSVETAEVA)**

A. A. Dudareva

Tver State University
Russian language department

This article describes the semantic and figurative parallels related to the embodiment of the ideas of chaos and cosmos in Russian poetry. The material for the analysis of literary texts served as Pushkin, Tyutchev and Tsvetaeva.

Keywords: *Russian language, Russian literature, vocabulary, semantics, poetics*

Об авторах:

ДУДАРЕВА Алла Адамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Тверского государственного университета, e-mail: alladamova@mail.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.